

ОТСТАВКУ

КАМЕЛЬ ТАУФИК

Рисунок Е. Шукасва

ЧАСЫ пробили десять. Чиновники быстро свернули газеты, которые они просматривали за своими столами, и напустили на себя деловой вид, будто и в самом деле только тем и занимались, что старательно изучали поступавшие в департамент бумаги. Приступ деловитости объяснялся просто: с минуты на минуту должно явиться начальство, его превосходительство господин заместитель директора департамента.

Его превосходительство господин заместитель директора приходил ровно в десять часов. За ним

шел дядя Шаабан, привратник его личного кабинета, неся большой портфель, набитый разными деловыми бумагами. Прежде чем добраться до своего просторного кабинета, где пол устлан роскошными коврами и в глубине красуется огромный дубовый стол, его превосходительство обязательно обходил канцелярии, чтобы поздороваться с подчиненными и проверить, все ли в порядке. Тщедушный, высохший, появлялся он в комнате, закручивая кончики своих пышных седых усов, а за ним неотступно следовал дядя Шаабан. Маленькие глазки его превосходительства зло и хитро поблескивали за большими стеклами очков, высматривая жертву, на которую можно тут же наброситься и уничтожить. Каждый из нас с трепетом и замиранием сердца ожидал конца этого визита и ухода его превосходительства в другой кабинет. Всем надоели его желчные наставления и придирки, нередко влекущие за собой увольнение того или иного застигнутого врасплох канцеляриста.

Заместитель директора уже заканчивал свое обычное турне по канцеляриям. Осталась еще одна комната в конце коридора. Войдя, его превосходительство обвел чиновников внимательным взглядом. Глаза его остановились на пустом столе: какой-то неудачник не успел занять свое место вовремя. Посмотрев на карманные часы и обратив многозначительный взгляд на «нерадивого», заместитель директора после должной паузы прошипел:

— Где ты был, эфенди, до сих пор?

—

— Ты что не отвечаешь? Тебя спрашивают, почему опоздал?

СБЕЖАЛ ОТ СМЕРТИ

ХУСЕЙН аль-КОББАНИ

ШЕЙХ СЕЙИД постоянно хвастал, что он мулла-проповедник в небольшой мечети на окраине города, в квартале, где живет простонародье. Я говорю «хвастал» потому, что не уверен, был ли он на самом деле муллой, или это просто обманщик, эксплуа-

тирующий веру и чувство верующих, чтобы обеспечить себе легкую, беззаботную жизнь.

Рассказывая о нем, я вовсе не думаю обобщать, не собираюсь говорить, что все священнослужители таковы. Но известное обобщение я хочу сделать: это тип людей, которые еще копят наше небо и заставляют поразмыслить о себе как о явлении типичном.

Шейх Сейид лежал вместе со мной в больничной палате, вмещающей 22 койки. Он жаловался на воспаление печени. Должно быть, у него желчь просачивается в кровь, иначе отчего бы все его лицо — даже глазные белки — и ногти на руках стали темно-желтыми?

Был он низенького роста, бородатый, полный, кругленький, с

бородавкой на лбу — не иначе как от постоянных поклонов во время молитвы. Об этой бородавке он обычно говорил, что это — амулет, который предохранит его от адского пламени на том свете.

Я не замечал, чтобы шейх когда-либо уклонился от совершения намаза в положенное время, какие бы причины ни мешали этому. Но я не помню также ни одного случая, чтобы он во время намаза не совершил десятка совершенно лишних движений — а по шариату и трех вполне достаточно, чтобы осквернить молитву, сделать ее неугодной богу. Например, произнося положенные священные «такбиры» — восславление аллаха, шейх непременно поднимал руку, чтобы поскрести затылок или нос, или опускал ее,